

«Sakala¹», № 21, 1 июня 1883 года, стр. 5

Письма с Кавказа.

1.

Насколько я знаю, отсюда с северного Кавказа в эстонскоязычных газетах, в первую очередь о сельскохозяйственных работниках – эстонцах, очень мало написано. Поэтому я принял решение живущим в Эстонии братьям рассказать как протекает здесь жизнь и ещё, что сочту нужным. Я уже почти дюжину лет прожил здесь, среди эстонских братьев выполняя полевые работы. Но не так, как те, которые батраков и поденщиков всё делать заставляют, а которые своими руками все полевые работы выполняют. Я ещё помню, как несколько лет назад Кавказ, в устах народа в Эстонии, был очень популярным. Много было тех, которые считали эту землю раем и в надежде на хорошую жизнь оставляли свою родную эстонскую землю. Но здесь не нашли они оправдания на свои надежды, тогда многие не сумели ничего лучшего, как быстро вернуться назад. Чтобы было не так стыдно, стремились как можно больше говорить плохого о здешней земле и жизни. Я, однако, здесь больше ничего другого не нашёл, чем то, на что надеялся дома. Ладно, теперь начну.

Самый первый работник земледелец из эстонского народа – о котором уважаемый пастор Долл в своё время говорил – пришёл на кавказскую землю с острова Крым в 1866 году. В первую очередь с прихода Кодавере, и поселились в казинской балке Ставропольской губернии. После этого ещё пришли с острова Хиюсаар, с уезда Йыхви, и с других мест. В связи с тем, что тогда людей уже стало много, построили на расстоянии нескольких вёрст другое село и назвали его Подгорное.

Но так как там оказалось слишком мало пригодной воды и по некоторым другим причинам, подумали, что жить там невозможно, начали требовать другого места, которое они и получили, но через некоторое время опять пришли обратно.

Село Казинка и село Подгорное были в одной общине, как в Эстонии два села в одной волости. Временами стали принимать русский народ вместо них. Но эстонцы стремились по возможности поселиться в Казинке, потому что там везде было вдоволь хорошей воды. Так стало возможным потому, что некоторые, свои строения им продавали. Так получилось смешанное село из эстонцев и русских. Эстонцы посчитали невозможным вместе с ними жить, в связи с чем, они продали им все свои строения. Себе купили здесь, в кубанской области в районе Баталпашинска новую площадь земли и заплатили за кадюю десятину 15 рублей. Эта земля находится на 50 вёрст западнее реки Кубань на берегу реки Уруп. Здесь живёт названный народ с 1874 года в количестве более 70 семей. Условия жизни эстонцев, здесь на Кавказе, надо разделить на три части. Первые - обрабатывающие поля (землю), вторые – животноводы

¹ Перевод: Эдуард Вахопский

Вахопский Р.Э. <http://sugupuu.narod.ru>,

Email: yaht@yandex.ru

или занимающиеся лесоводством, которые живут в трёх лесных сёлах вблизи снежных гор и третьи – служащие, живущие здесь и там в городах и на фабриках.

Ой братец! Здесь довольно таки далеко ходить в гости к родственникам или друзьям. Потому, что самое близкое из названных сёл находится в 80 верстах и самое дальнее в 200 верстах от нас. Смешное положение у нас здесь. У крестьян лес очень далеко и покупать дорого, а зерно здесь не стоит и сеять. Если бы оно здесь даже немножко росло бы, то сильные дожди и град уничтожили бы. Если что и останется, то уничтожат дикие свиньи, которые большими стадами по лесам, бесконечным ущельям и страшным горам гуляют вокруг. У здешних настоящих хозяев арендовано ещё дополнительно 1000 десятин. Эта рента стоит 130 копеек за десятину в год. В течение двух лет прикупили ещё более 1000 десятин земли, но цена была уже дороже – 19 рублей 25 копеек.

Так как здесь, на этой земле, везде нет хорошей воды, поэтому рядом с реками земля дороже. Река, возле которой живём, небольшая. Через неё ездят на бричках, потому что здесь мосты через реки бессмысленно строить. Но иногда воды много и река становится бурной, так что нельзя человеку или животному, кому жизнь дорога, вброд идти. В это время река несёт большие деревья с корнями и всё что ей достаётся. Особенно с мая по август, в период дождей, здешние реки более менее полноводные и бегут с гор в сторону моря с огромными скоростями. Старик Эльбрус, которого мы ежедневно из окна можем видеть, со своей снежной головой руководит направлением и заставляет быстрее бежать, потому что большая жара заставляет его голову потеть и воду струйками пускать.

У здешнего народа под ногами полностью собственная земля и обещает она хороших надежд в будущем. Село, где живём, построено по линейке и по краям улиц посажены молодые декоративные деревья, где они летом в красивое время, сидящему под ними создают тень от жары. Здесь есть место, где летом, после церковной службы, люди собираются вместе говорить сладкие речи, здесь будут прочитаны художественные или научные книги и газеты, для этого у здешнего народа в прошлом году выписано 5 Сакала, 3 Эсти Постимэс, 2 Вирулане, 2 Олевик, 1 Пярну Постимэс, 5 Ристирахва Лехт и 5 Мелеяхутая. Кроме того 1 Ристирахва лехт, 1 Кюндя (пахарь) и 1 Таллинна сыбер. Хотя последние нам приходится не по душе, но всё же их мы видели. Строительство зданий здесь не легко выполнять, на них тратится много денег и труда. Лесоматериал привозится из далека и обходится дорого. Поэтому, здесь, у эстонцев только деревянных жилых зданий построено мало, а амбаров для зерна много. Жилые дома и строения для животных делают в большинстве из глиняных саманов, не только у эстонцев, но и у русских и особенно у немцев.

Саман делают так: глину немножко перемешивают и растаптывают, потом добавляют солому, или сено, или ещё лучше полову и растаптывают до нужной вязкости. Потом укладывают в деревянные формы, которые имеют

длину 6 вершков и по 3 вершка толщиной и высотой. Их сушат под солнцем, на земле, пока станут твёрдыми. Затем складывают в продуваемые кучи. Там они сушатся пока полностью не высохнут, после чего можно начинать складывание стен. Но это должно делаться в сухое и жаркое время. Если у такого здания есть хороший фундамент и хорошая крыша, то оно простоит долгие годы. Оно и не такое холодное и сырое, как здания с железными или известняковыми стенами. Оно должно только быть хорошо обмазано и изнутри и с наружи. Если у такого здания потолок хорошо обмазан толстым слоем, а окна и двери закрыты, то в случае пожара внутри пожитки останутся целыми.

У эстонцев здесь случалось, что крыша полностью сгорает, мужчины старались потушить, а женщины с детьми внутри здания и ни у кого никаких ожогов. Об этом я так подробно написал с тем, чтобы на Родине братья, здания своих риг и овин так бы делали, особенно настоящие хозяева, лучше, чем делать их деревянными. В прошлом, иногда насмехались над народом живущим на Кавказе, что живут в земле, в землянках и как будто преждевременно в могилу захоронены они, но это совсем не смешно по здешним обычаям и традициям. Где это случается, это свидетельствует, что они только стали арендаторами или они бедные поселенцы. Я на здешней земле и богатых хозяев больших стад и многих слуг встречал живущими в таких зданиях. Такое же, или ещё более бедное положение было и в Эстонии, или есть ещё и сейчас, что бедный хозяин, боясь аукционного молотка и хозяин – арендатор в период окончания контракта не осиливал или не отваживался строить большие здания. Или когда я подумаю о несчастных бобылях, какие условия жизни были у них!?

Здесь, в нашем селе, уже построены достаточно красивые жилые помещения, с многочисленными большими окнами, некоторые даже с зелёными железными крышами, а другие с гладкими соломенными или камышовыми крышами. Потолки деревянные, печки и плиты – из самана и кирпича. Прежние эстонские закопчённые дома здесь неведомы. Даже и добротные бани с парилками не отсутствуют здесь у эстонцев, где в каждую субботу свои хорошие «таллинские сотни» (Кодавере поговорка, старое высказывание) каждый себе даёт. На центральной улице работает, под зелёной железной крышей, с тремя парами жерновов, достаточно большая водяная мельница. На другом конце села – фабрика по производству масла из семян льна, и ещё не полностью готовая круглопильная машина, это всё собственноручно построенная собственность эстонцев нашего села. В центре села стоит хорошенькая, с железной крышей, церковь - кирик, как туя среди сада, куда в каждое воскресенье, маленький, но с красивым голосом, колокол созывает людей на богослужение, где школьный учитель, вместо Кистера, читает молитву, а из города Ставрополя, два раза в год, приезжает гарнизонный Пастор лютеринской веры исполнять настоящие церковные обязанности. Потому, что названная молельня была построена по возможности как церковь. Алтарь покрыт красным материалом и интересной

алтарной картиной, которую пару лет назад из Петербурга подарил один уважаемый господин Герцог, также и кафедра покрыта красным покрывалом.

Кроме того, под провислым потолком есть маленький песенный зал, где находится 7 регистровый орган построенный летом прошлого года. Поднимается красивый голос названного органа, который из Таллинна мастер по органам Норманн сделал и прислал сюда. На другом конце церкви обучает школьный учитель детей.

За селом, с утренней стороны, на небольшом холме горы находится маленькое кладбище, где под несколькими десятками крестов отдыхают уставшие путешественники своим последним сном. На вечернем конце села, на другом берегу реки, находится большое казацкое село (станция), где живут казаки и русские. С ними живём в мире и дружбе, нельзя роптать, как несколько лет назад один эстонец из Самары, что они от русского народа получали насмешки и презрения. Мы не можем этого сказать ни о подчинённых, ни о руководящих, ни в городе, ни в селе. Раньше находим получение доброжелательность и заботу. Это заметно уже тем, что если с многочисленным русским народом случается иметь дело в их домах, быстро предлагают стул для сидения, себе берут другой и так беседуют о чём нужно. Зачастую в своём кругу, за чашкой чая и т.д.

По моему так в Эстонии начальство с подчинёнными не обращалось, хотя их честь от этого не уменьшилась бы, а уважение конечно между обоими возросла бы.

С посадкой фруктовых деревьев в нашем селе сделано уже хорошее начало. Несколько лет назад основался здесь эстонец из Крыма – арендатор фруктовых садов, у которого было много знаний и он привёз их с собой. У него уже достаточно красивый культурный сад с многими фруктовыми деревьями. Кроме того, у него основана школа садоводства, которая в будущем много полезного может принести.

Прежде упоминал, что я здесь являюсь земледельцем, и поэтому, хочу братьям - земледельцам Родины, о здешних полях и работах рассказать. Как надеюсь, там уже известно, что здешняя почва для пахоты является очень твёрдой и вязкой. При вспашке залежи, между двумя приёмами пищи, нужно 2 – 3 раза точить лемех плуга. При нормальной влажности почвы, залежь можно пахать 3 – 4 парами животных. Но когда она более сухая, нужно запрягать 5 пар животных. Когда соха или плуг хорошие и животные сильные, за день можно успеть вспахать от 0,6 до 1,0 десятины залежи. Лемех как правило, 10 – 12 вершков и шире.

Перевёрнутый тёрн (кочки) имеют ширину $\frac{2}{3}$ аршина, когда большая соха, то целый аршин шириной. Глубина борозды в среднем 2,5 – 3 вершка и больше. Пашут только один раз. Потом разбрасывают лён и боронуют. Лён здесь возделывают не для тканей, хотя иногда и так бывает, а для продажи осенью для производства масла. Кто нанимает пахарей должен платить за работу от 6 до 10 рублей за десятину залежи и 4 – 5 рублей за вспашку десятины стерни. У русского народа принято так: ближняя к селу земля – это

пастбище, потом сенокос, и потом уже поля. Это потому что здесь кроме придворового огорода другого огорода нет, а держат много животных. По этой причине поля далеко, и там много больше нужно инвентаря, чем в Эстонии, даже воду надо везти с собой и для себя и для животных. Так, в период сезона работ, трудящиеся люди в понедельник уезжают на поле и возвращаются в субботу.

Очень удивительно смотреть весной в период вспашки и в период сенокоса, когда все одновременно находятся в поле. Как каждая семья со своей трудовой общиной и белым шатром смотрится как уменьшенное село. Вечером виднеются огни готовящих пищу здесь и там, как небесные звёзды. Осенью сеют пшеницу в стерню льна и боронуют, без новой пахоты. В следующую осень эту почву снова пахут один раз и засевают второй раз подряд пшеницей.

Так делают ещё раз или боллее и потом это поле оставляют, чтобы зарастала и набиралы силы. Навоз здесь в поле не вносят. Когда поле второй раз пахут, то пахать уже легче и можно управиться двумя парами животных. Странно ходить по только что убранной стерне много мягче чем в Эстонии, но пахать не легче, это получается от крепких корней травы и отчасти от того, что лемех и лезвие сохи, когда земля немножко сырая, забивается землёй, поэтому на каждом конце борозды их нужно чистить железной лопатой. Как правило, здесь зерновые растут с более высоким стеблем.

Юган Бёклер.
Письмо с Кавказа, 1883 год.

